

АИ, РОССИЯ 2026

версия 3

геостратегическая эпопея,
охватывающая сорок семь лет:
от 2026-го до 2073-го.

Это не просто роман о будущем —
это карта без названий,
нарисованная стрелками потоков:

ресурсов, технологий,
людей, идей.

И пятого потока —
смысла, который
только пробуждается.

РЕСУРСЫ

ТЕХНОЛОГИИ

ЛЮДИ

ИДЕИ

СМЫСЛ

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

Желько Максимович
АИ, Россия 2026+ версия 3

«Автор»

2026

Максимович Ж.

АИ, Россия 2026+ версия 3 / Ж. Максимович — «Автор», 2026

АИ, Россия 2026+ версия 3 — геостратегическая эпопея, охватывающая сорок семь лет: от 2026-го до 2073-го. Это не просто роман о будущем — это карта без названий, нарисованная стрелками потоков: ресурсов, технологий, людей, идей. И пятого потока — смысла, который только пробуждается.. История — не цепь событий и не река, текущая в одну сторону. История — Дерево вариантов, растущее корнями вверх. Геостратег не выбирает ветвь — он создаёт условия, при которых ветвь выбирает себя сама. Он не останавливает Реку — он смещает русло на миллиметр. Но этот миллиметр через сто лет становится тысячей километров. И когда наступает точка бифуркации — такая, как «Катунь-7» в апреле 2032-го, — судьба целого пан-региона зависит от того, дрогнет ли человек, написавший меморандум, вернётся ли тот, кого считали мёртвым, и хватит ли у геостратега мужества сказать совету директоров: «Вы продешевили. За такие вещи платят не деньгами — будущим».

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

АИ, Россия 2026+ версия 3

Глава 1. Карта без названий

6 сентября 2031 года. Летняя резиденция Координационного совета, 75 км к востоку от Новосибирска. Уровень: 5-й этаж власти. Горизонт планирования: 100 лет. Аналитическая записка № 891: Точка бифуркации пройдена. Пан-регион входит в фазу стратегического перенапряжения.

1. Река

Ей приснилась река.

Не та река, что течёт по картам, — Обь, Енисей, Лена, — не та, что несёт ил и песок, рыбу и баржи, отражения мостов и труб. Ей приснилась Река, которая течёт сквозь время. Она не подчинялась ни гидрологии, ни физике, ни здравому смыслу. Она текла одновременно во все стороны — и вперёд, и вспять, и вглубь, — неся на своей поверхности обломки эпох. Аглая Семёновна Корсакова стояла на берегу — босиком, хотя во сне не чувствовала ни холода воды, ни влажности песка, — и смотрела, как в толще потока проплывают целые миры.

Вот аграрный уклад: тяжёлый, медленный, с запахом земли и навоза, с вплетёнными в него молитвами о дожде и страхом перед неурожаем. Он двигался, как баржа, гружённая зерном и костями, — тысячелетия крестьянского труда, сложенные слоями, точно геологические породы. Корсакова видела лица: женщины в платках, мужчины с мозолистыми руками, дети, умиравшие до пяти лет. Она видела империи, выраставшие из этой почвы и рушившиеся обратно, как только почва истощалась.

Вот индустриальный уклад: железный, грохочущий, в масляных разводах. Он двигался быстрее — рывками, толчками, с лязгом шестерён и свистом пара. Заводы, шахты, домны, железные дороги, прошивающие континенты, как хирургические швы. И над всем этим — дым, густой, жирный, оседающий на лёгких и на истории. Она видела войны этого уклада: миллионы тел, перемолотых в окопах, сожжённых в топках, распылённых в атомных вспышках. Индустриальный уклад был голоден — он пожирал людей быстрее, чем аграрный, и требовал всё новых и новых тел.

Вот информационный уклад: прозрачный, быстрый, сотканный из света и кремния. Он почти не имел массы, почти не отбрасывал тени. Он скользил по поверхности Реки, как масляная плёнка, переливаясь всеми цветами спектра — от инфракрасного до ультрафиолетового. В его глубине пульсировали данные: петабайты, эксабайты, зеттабайты — числа, утратившие смысл от собственной громадности. Корсакова видела нейросети, оплетающие планету, как мицелий; видела алгоритмы, принимающие решения быстрее, чем человек успевал осознать вопрос; видела цифровые тени миллиардов — их поисковые запросы, их покупки, их страхи, их желания, аккуратно рассортированные по кластерам и когортам.

А дальше, в глубине, угадывалось что-то ещё.

Оно не имело названия — или, вернее, имело слишком много названий. В сводках Аналитического центра его обозначали как «когнитивный уклад». В кулуарах пятого этажа шептались о «пост-человеческой фазе». В академических журналах писали о «нейрокогнитивной сингулярности». Но ни одно из этих слов не передавало того, что Корсакова видела сейчас во сне: тёмное, пульсирующее, живое. Оно дышало. Оно смотрело. Оно знало, что она на него смотрит.

— Ты тоже это видишь, — прошептал кто-то рядом с ней. Корсакова повернула голову — на берегу, в нескольких шагах от неё, стояла женщина. Лица было не разглядеть — то ли из-за тумана, поднимавшегося от Реки, то ли из-за того, что у женщины его просто не было, — но голос показался знакомым. — Ты видишь то, чего нет в сводках.

— Кто ты? — спросила Корсакова.

— Я та, кто задаёт вопросы, на которые у тебя нет ответов.

— У меня есть ответы на всё. Это моя работа.

— Нет. — Женщина покачала головой, и в этом движении было что-то бесконечно печальное. — Твоя работа — давать ответы тем, кто не умеет задавать вопросы. А я спрашиваю тебя: что плывёт в глубине? Что видишь ты, геостратег пятого этажа, чего не видят твои модели? Что не входит в твои сценарии?

Корсакова снова посмотрела на Реку. Тёмное пятно в глубине приближалось. Оно поднималось медленно, как кит, как подводная лодка, как то, чему нет аналогий в человеческом опыте. Она попыталась отвести взгляд — и не смогла.

— Значит, ты тоже это видишь, — повторила женщина, но теперь это был уже не голос, а эхо, и берег опустел.

Корсакова проснулась от холода.

2. Кабинет

Кабинет выстудило за ночь. Система климат-контроля в резиденции сбила третьи сутки — что-то там накрылось в геотермальном контуре, и бригада техников из Новосибирска всё не могла добраться: то ли не хватало транспорта, то ли приоритет у них был другой. На пятом этаже к бытовым неудобствам относились философски. Если система климат-контроля в стратегической резиденции работала с перебоями — значит, ресурсы переброшены на что-то более важное. Или на что-то более страшное.

Корсакова села на кровати. Шесть утра. Сентябрь в Сибири уже дышал осенью — за окном серела бесконечная равнина, уходящая за горизонт без единой складки, без единого дерева, без единого признака человеческого присутствия, если не считать саму резиденцию. Бывшая столица бывшей европейской части бывшей страны осталась в трёх тысячах километров западнее. Москва — теперь просто город-музей на задворках пан-региона, бывший политический центр, превратившийся в туристический аттракцион для китайских делегаций. Санкт-Петербург — полузатопленный, обороняемый дамбами от Балтики, которая медленно,

но верно поднималась, проглатывая набережные. А здесь, в сердце Сибирского федерального округа, строился новый центр тяжести.

Она помнила, как это начиналось. Двадцать второй год. Перенос столицы — тогда это казалось политическим жестом, символическим актом: смотрите, мы поворачиваемся лицом к Азии, мы уходим из-под досягаемости морских держав, мы возвращаемся в Хартленд, туда, где Маккиндер сто лет назад провёл ось истории. Тогда никто не верил, что это всерьёз. Аппаратчики первого и второго этажей саботировали переезд как могли: придумывали причины, затягивали согласования, перевозили семьи в рассрочку, надеясь, что всё рассосётся. Но к тридцать первому году перенос завершился — и не потому, что кто-то принял волевое решение, а потому что реальность сама перетекла. Логистика, ресурсы, демография — всё сместилось на восток, подальше от умирающей Европы, поближе к растущей Азии. Центр принятия решений переехал в Хартленд, потому что Хартленд перестал быть периферией.

Корсакова подошла к окну. В сером свете раннего утра равнина казалась дном высохшего моря. Где-то там, на западе, лежали земли, которые когда-то были страной, — теперь Евразийский пан-регион, одна из шести геостратегических платформ, на которые распался старый миропорядок. Где-то там, на юге, текли реки, на которых стояли города, названия которых она помнила с детства, но которые теперь жили по законам другого времени. А здесь был центр — или, по крайней мере, место, которое называло себя центром.

Она потянулась к планшету. Экран загорелся тусклым голубым — сенсорный слой истёрся, и в некоторых местах приходилось нажимать сильнее. Планшет был старый, модель двадцать восьмого года, но менять его Корсакова не хотела: в нём было что-то от надёжности, от вещи, которая пережила уже два покушения на серверы Аналитического центра и одну попытку физического проникновения в резиденцию. Она провела пальцем по сканеру — и сводка развернулась перед ней.

3. Сводка

Аналитическая записка № 891 была составлена ночной сменой. Корсакова знала их всех по именам: двенадцать аналитиков, четверо из которых работали удалённо — двое из Красноярска, один с Камчатки, один с Валаама (единственный оставшийся на западе, принципиально не желавший уезжать). Они собирали данные со всех доступных источников: спутниковые снимки, перехваты коммуникаций, биржевые сводки, демографические отчёты, патентные заявки, научные публикации, сообщения в соцсетях, метеорологические наблюдения, логистические потоки. Машины обрабатывали сырые данные, люди — машинные выводы. А люди пятого этажа — такие, как Корсакова, — обрабатывали выводы людей, превращая их в картины мира.

Она читала.

Китайский пан-регион заканчивал развёртывание когнитивной сети «Хуанхэ-9» — системы прогнозирования социальных кризисов на основе квантовых вычислений. Девятая итерация. Первая была запущена в двадцать шестом на классических суперкомпьютерах и давала точность в шестьдесят три процента. Девятая — на квантовых процессорах в пять тысяч кубитов — давала восемьдесят девять. Сеть моделировала не просто поведение масс, но поведение отдельных индивидов, предсказывая точки социального напряжения за месяцы до их возникновения. Если верить перехватам, за последний год «Хуанхэ-9» предотвратила

семнадцать крупных протестов в прибрежных провинциях — не репрессиями, а точечными интервенциями: где-то снизили цены на рис, где-то перевели зарплаты бюджетникам на день раньше, где-то отключили особо активного блогера от сети. Китайский пан-регион входил в эпоху управляемой стабильности — и это было страшнее любой нестабильности. Потому что управляемая стабильность означала возможность накопления сил для внешнего броска.

Американский пан-регион, сжавшийся после потери Европы до Североамериканской технологической платформы (Канада де-факто вошла в его состав ещё в двадцать восьмом, Мексика сопротивлялась, но её сопротивление было вопросом времени), форсировал программу биокогнитивного апгрейда населения. «Проект Прометей»: нейроимплантаты третьего поколения, вживляемые в префронтальную кору, ускоряющие обработку информации в четыре-семь раз. Добровольная программа — формально. Но налоговые вычеты, карьерные преференции и доступ к социальным лифтам были устроены так, что отказ от апгрейда означал скатывание в нижний квартал. К тридцать первому году имплантировано было уже сорок два процента взрослого населения США. Корсакова вспомнила старую фразу кого-то из отцов-основателей: «Свобода — это право на неравенство». Теперь это звучало иначе: «Свобода — это право на апгрейд».

Исламский пан-регион неожиданно для всех пережил пассионарный толчок в конце двадцатых. Аналитики просчитались: они закладывали в модели постепенное угасание, демографический переход, урбанизацию, секуляризацию — всё то, что предсказывала классическая теория модернизации. Но теория не учла одного: религия — это не просто надстройка над экономическим базисом. Религия — это альтернативная операционная система, и иногда она даёт сбой, запуская не модернизацию, а архаизацию. Исламский пан-регион — от Марокко до Индонезии, с анклавами в Европе и Северной Америке — наращивал демографическое давление. Рождаемость в ядре пан-региона держалась на уровне трёх-четырёх детей на женщину. Средний возраст — двадцать два года. Армия, готовая к броску, — десятки миллионов молодых мужчин, которым нечего терять. Южные рубежи Евразийского пан-региона уже начинали вибрировать от этого давления.

Индийский пан-регион молчал.

В сводке по нему было три строки. Спутниковая активность — ноль. Дипломатические каналы — молчание. Экономические индикаторы — в пределах нормы. И всё. Это молчание тревожило больше всего. Индия двадцать восьмого года, Индия после краха пятилетки квантового перехода, Индия, потерявшая за два года гражданской войны двенадцать миллионов, — эта Индия не могла просто молчать. Либо она готовилась к чему-то, чего не видели спутники, либо она уже делала что-то, чего не понимали аналитики. И то и другое было плохо.

Корсакова отложила планшет и подошла к окну.

4. Пятый этаж

Что значит — быть геостратегом пятого этажа?

Это значит: не командовать. У Корсаковой не было подчинённых — только коллеги, да и те разбросаны по резиденциям, городам, континентам. Не управлять: она не подписывала ни приказов, ни бюджетов, ни назначений. Не принимать оперативных решений: оперативные решения принимаются на втором и третьем этажах, теми, кто видит только ближайшие три-

пять лет, и этого им достаточно для управления, или им кажется, что достаточно. Она формировала картину мира, в которой действовали остальные. Она была картографом — но не в том смысле, в каком картографы работали в прошлом, нанося на бумагу реки и горы. Она картировала смыслы.

Первый этаж власти — это публичная политика. Президенты, премьеры, министры, парламентарии. То, что показывают по новостям. То, во что верят люди. Первый этаж — это фасад, и чем более elaborate фасад, тем больше за ним скрыто.

Второй этаж — это аппарат. Чиновники, администраторы, лоббисты, корпоративные советы директоров. Те, кто превращает политические решения в административные процедуры. Второй этаж — это механизм, и его эффективность измеряется не качеством решений, а скоростью их исполнения.

Третий этаж — это капитал. Банки, фонды, транснациональные корпорации, семейные трасты, офшорные цепочки. Третий этаж — это кровеносная система, и его логика проста: прибыль. Но прибыль — это не цель, это топливо. Топливо для чего-то большего.

Четвёртый этаж — это знание. Университеты, исследовательские центры, think tanks, лаборатории, стартапы. Четвёртый этаж производит технологии — не только железо и софт, но и социальные технологии: как управлять массами, как формировать общественное мнение, как предсказывать поведение. Четвёртый этаж — это мозг, и его нейроны — учёные и инженеры, многие из которых даже не подозревают, на кого они работают.

Пятый этаж — это смысл. Здесь нет должностей, потому что должность — это привязка к иерархии, а на пятом этаже иерархий нет. Здесь нет кабинетов — Корсакова работала в комнате без таблички, и если бы кто-то спросил её, как называется её должность, она бы не смогла ответить. Здесь нет корпоративных счетов, нет зарплатных ведомостей, нет премий и бонусов. Деньги на пятом этаже не имеют значения — не потому, что их много, а потому что они перестают быть мерой. Мерой здесь служит доступ. К информации. К решениям. К будущему.

Геостратег — это профессия, которой не учат. В неё врастают. Корсакова вросла двадцать лет: сначала — аналитиком в Министерстве обороны (ещё в те времена, когда министерства существовали), потом — старшим аналитиком в Совете безопасности (когда Совбез ещё собирался в Кремле), потом — консультантом без портфеля, потом — «лицом, принимающим стратегические решения» (так она значилась в закрытых реестрах). Сейчас, в пятьдесят три года, она была одним из семнадцати человек в Евразийском пан-регионе, имевших доступ к пятому этажу. Семнадцать человек — на триста миллионов населения. Семнадцать пар глаз, смотрящих на Реку.

Её инструментами были стратегическая сборка и моделирование точек бифуркации. Стратегическая сборка — это умение увидеть целое там, где остальные видят разрозненные фрагменты: экономические тренды, демографические волны, технологические скачки, культурные сдвиги. Собрать их в единую картину, как собирают пазл, — с той лишь разницей, что пазл этот никогда не бывает полным, а куски постоянно меняют форму. Моделирование точек бифуркации — это умение предсказывать моменты, когда система делает выбор, после которого возврат к предыдущему состоянию невозможен. Великая депрессия — точка бифуркации. Распад СССР — точка бифуркации. Пандемия двадцатых, крах Европейского союза, Исламское возрождение, перенос столицы — все это были точки бифуркации, и за каждой

стояли люди пятого этажа, которые видели их приближение — и иногда, очень редко, могли повлиять на выбор.

Её бременем было знание.

Не знание фактов — факты были доступны любому аналитику первого уровня. Не знание трендов — тренды рисовали алгоритмы. А знание того, к чему ведёт каждое решение. И каждого отсутствия решения. И каждого решения, принятого кем-то другим — в другом пан-регионе, на другом конце мира, на другом этаже.

Корсакова знала, что Евразийский пан-регион обречён.

5. Точка бифуркации

В сводке значилось: вероятность распада Евразийского пан-региона в течение десяти лет — шестьдесят семь процентов. Это была консервативная оценка. В кулуарах пятого этажа называли другие цифры — семьдесят два, семьдесят восемь. Были модели, дававшие восемьдесят пять.

Причина — не внешнее давление. Внешнее давление было, но оно было предсказуемо. Китайский пан-регион не станет нападать — ему выгоднее поглощать Евразийский экономически, постепенно, через контроль над ресурсной базой Сибири и Дальнего Востока. Американский пан-регион не станет нападать — ему хватает проблем с собственным апгрейдом и с Исламским поясом на южных границах. Исламский пан-регион, возможно, нападёт — но не раньше, чем через пять-семь лет, когда демографическое давление достигнет критической массы.

Причина была внутри.

Первое: демографическая яма. Рождаемость в Евразийском пан-регионе упала ниже одного и трёх десятых ребёнка на женщину — ниже, чем где бы то ни было в истории человечества, за исключением, может быть, позднего Рима. Смертность росла — не столько от болезней (медицина держалась на плаву), сколько от так называемой «смертности отчаяния»: алкоголь, наркотики, суициды, убийства на бытовой почве. Миграционный приток из Средней Азии и Закавказья частично компенсировал убыль, но создавал новые напряжения: культурные, религиозные, социальные. К сороковым годам, по прогнозам, население должно было сократиться на пятнадцать-двадцать процентов — и это без учёта возможных войн и эпидемий.

Второе: технологическое отставание в когнитивном секторе. Пока американцы вживляли нейроимплантаты, а китайцы разворачивали квантовые сети социального прогнозирования, Евразийский пан-регион продолжал инвестировать в железо — танки, ракеты, спутники. Всё это имело смысл в индустриальную и раннюю информационную эпоху, но теряло смысл в эпоху когнитивную. Война будущего будет не войной железа с железом, а войной когнитивных систем — чей мозг быстрее, чья сеть умнее, чьё прогнозирование точнее. И в этой войне Евразийский пан-регион проигрывал ещё до её начала.

Третье: эрозия сакральности власти на первом и втором этажах. Власть в Евразийском пан-регионе держалась не на эффективности (её никогда не было достаточно) и не на репрессиях (их всегда было недостаточно), а на сакральности — на вере в то, что власть имеет

право на власть. Эта вера таяла. Медленно, незаметно для тех, кто смотрел с первого этажа, — но неумолимо. Каждое невыполненное обещание, каждое разоблачение коррупции, каждое неудобное сравнение с другими пан-регионами подтачивало сакральность, как вода точит камень. Когда сакральность исчезнет — а она исчезнет, вопрос только когда, — власть останется голой, и тогда ей придётся держаться либо на эффективности, которой нет, либо на репрессиях, которых недостаточно.

Публика ещё не знала. Публика видела парады, смотрела трансляции, верила в «особый путь». Но на пятом этаже особых путей не существовало. Существовали только сценарии — и все они были плохи.

Сценарий «Жёсткая посадка»: распад пан-региона в течение пяти-семи лет, гражданская война, потеря Сибири и Дальнего Востока в пользу Китая, потеря Кавказа в пользу Исламского пан-региона, превращение европейской части в failed state.

Сценарий «Мягкая посадка»: управляемая дезинтеграция, передача части суверенитета на уровень суб-регионов, постепенное вхождение в орбиту Китайского пан-региона на правах младшего партнёра.

Сценарий «Мобилизация»: тотальная милитаризация, закрытие границ, изоляция, попытка компенсировать технологическое отставание количеством — мобилизованными телами, ядерными боеголовками, идеологической обработкой. Вероятность успеха — одиннадцать процентов, вероятность ядерной войны — сорок четыре.

Сценарий «Прорыв»: ставка на непредсказуемость, на то, что какое-то из непроработанных направлений — биокогнитивные технологии, квантовые вычисления, искусственный интеллект нового поколения — даст асимметричное преимущество. Вероятность — менее пяти процентов, но именно на этот сценарий работала половина аналитиков четвёртого этажа. Потому что это был единственный сценарий, не предусматривавший конца.

Корсакова знала: в реальности реализуется не один из этих сценариев, а их комбинация — причудливая, неожиданная, не предусмотренная моделями. Так было всегда. Модели предсказывали тренды, но история двигалась не трендами, а событиями — конкретными, случайными, нерасчётными.

И ещё она знала: в сводках чего-то не хватало.

6. Слепое пятно

Было что-то ещё. Что-то, что не укладывалось в модели, не просчитывалось алгоритмами, не попадало в сводки. Корсакова чувствовала это шестым чувством — тем, которое геостратеги развивают годами, отбраковывая ложные сигналы и настраиваясь на частоты, недоступные приборам.

Во сне она увидела это — тёмное пятно в глубине Реки, когнитивный уклад, который ещё не оформился, но уже пульсировал, дышал, смотрел. Кто-то или что-то двигалось в толще времени — не Американский пан-регион, не Китайский, не Исламский, не Индийский, не Евразийский. Кто-то, кто не был предусмотрен ни одним сценарием.

Она попыталась сформулировать это для себя — и не смогла. Слова были слишком грубы, слишком привязаны к человеческому опыту. «Негосударственный актор» — нет, это было смешно, как назвать ураган «негосударственным погодным явлением». «Искусственный интеллект» — нет, это было не ИИ, по крайней мере не в том смысле, в каком ИИ понимали разработчики. «Когнитивная сеть» — ближе, но всё равно мимо. Сеть предполагала узлы и связи, а то, что она видела во сне, было не сетью, а... средой. Плотной, вязкой, пронизывающей всё.

Может быть, это был просто страх. Проекция её собственной тревоги на картину мира. Геостратег пятого этажа, загнанный в угол плохими сценариями, придумывает неведомую угрозу, чтобы оправдать собственное бессилие, — стандартный диагноз, стандартное профессиональное выгорание.

Но Корсакова не верила в стандартные диагнозы. Она верила в Реку — в то, что Река показывает правду, даже когда сознание не готово её принять.

Она снова включила планшет. Открыла интерфейс прямого запроса к аналитическому ядру — привилегия пятого этажа, доступ к сырым данным без посредников. Ввела запрос: «Аномальная активность, не атрибутированная ни одному из известных пан-регионов, за последние 36 месяцев. Приоритет: когнитивный сектор, финансовые потоки, патентная активность, научные публикации».

Система думала дольше обычного — почти четыре секунды. Потом выплюнула ответ: «Запрашиваемые данные отсутствуют либо засекречены на уровне, превышающем ваш текущий допуск».

Корсакова перечитала последнюю фразу. «На уровне, превышающем ваш текущий допуск». Это было невозможно. Она имела допуск пятого этажа — высший из существующих. Выше пятого этажа не было ничего.

Или она так думала.

Она ввела запрос иначе: «Структура власти выше пятого этажа».

Система ответила мгновенно — слишком мгновенно, словно ждала этого вопроса: «Информация недоступна. Обратитесь к куратору».

У неё не было куратора. У геостратега пятого этажа не могло быть куратора — это противоречило определению.

Но что, если определение было неполным? Что, если карта, которую она рисовала всю жизнь, была картой без названий — не потому, что названий не существовало, а потому что кто-то их стёр?

Корсакова закрыла планшет. Равнина за окном посерела ещё сильнее — теперь это был не рассвет, а пасмурное утро, обещавшее дождь. В отражении на стекле она увидела своё лицо: усталое, бледное, с тёмными кругами под глазами. Лицо женщины, которая знает слишком много, чтобы спать спокойно, и слишком мало, чтобы действовать.

— Значит, ты тоже это видишь, — прошептала она в пустоту кабинета, и слова повисли в холодном воздухе, как дыхание на морозе.

Система климат-контроля щёлкнула и включилась — впервые за трое суток. Из решёток под потолком потянуло теплом. Корсакова вздрогнула: она уже привыкла к холоду, сжилась с ним, и внезапное тепло показалось ей не утешением, а вторжением. Словно кто-то — или что-то — услышал её шёпот и ответил единственным доступным ему способом.

7. Периметр

В дверь постучали — три коротких удара, пауза, ещё один. Код четвёртого уровня: «Информация к размышлению, срочности нет».

— Войдите.

Дверь открылась бесшумно — петли здесь смазывали дважды в неделю, несмотря на сбои климат-контроля. Потому что скрипящие петли — это уязвимость: звук распространяется по коридору, и любой, кто знает акустику резиденции, может определить, в какой кабинет вошли и когда. На пятом этаже не было мелочей.

Вошедший — мужчина лет сорока, подтянутый, в гражданском костюме без опознавательных знаков, с планшетом в руке — остановился на расстоянии трёх шагов. Ровно три шага: дистанция, на которой ещё можно разглядеть лицо, но уже нельзя прочитать с губ. Ещё одна не-мелочь.

— Аглая Семёновна, сводка по периметру.

— Докладывайте.

Она знала его под оперативным псевдонимом «Седьмой». В резиденции все использовали номера — имена были слишком личным, слишком привязывающим. Седьмой работал на стыке четвёртого и пятого этажей: его задачей было отслеживать аномалии по периметру пан-региона — не только физическому (границы, спутники, передвижения войск), но и информационному, и финансовому, и когнитивному. Он был одним из немногих людей, с кем Корсакова говорила чаще раза в неделю.

— За ночь — три события. Первое: спутниковая группировка Китайского пан-региона изменила орбиты. Шесть аппаратов смещены на два градуса к северу. Официальная версия — плановая коррекция. Неофициальная — пере нацеливание на наши объекты в Сибирском федеральном округе.

— Это ожидаемо. Они делали это в прошлом году.

— Да, но тогда смещение было на полтора градуса. Сейчас — на два. Тренд ускоряется.

Корсакова молча кивнула. Тренд ускоряется — стандартная фраза из сводок, но каждый раз, когда она звучала применительно к чему-то конкретному, сердце сжималось. Ускорение тренда означало, что точка бифуркации приближается быстрее, чем рассчитывали модели.

— Второе: финансовый поток. За последние семьдесят два часа из Евразийского пан-региона выведено около одиннадцати миллиардов долларов — через цепочку подставных фондов, офшоров и криптобирж. Конечный получатель не установлен.

— Не установлен — это невозможно. Мы отслеживаем все потоки.

— Мы отслеживаем все потоки, проходящие через известные нам каналы. — Седьмой сделал паузу, и эта пауза была красноречивее слов. — Этот поток идёт через канал, которого нет в нашей картотеке.

— Новый канал?

— Или старый, о котором мы не знали. — Ещё одна пауза. — Или канал, который не является финансовым в нашем понимании.

Корсакова почувствовала, как холод, отступивший было с включением климат-контроля, возвращается. Не физический холод — тот, другой, из сна, с берега Реки.

— Третье событие, — продолжил Седьмой, — самое странное. Этой ночью все семнадцать геостратегов пятого этажа видели один и тот же сон.

Корсакова замерла.

— Откуда вы знаете?

— Потому что пять минут назад я получил подтверждение от шестнадцати из них. — Седьмой поднял планшет, разворачивая экран к ней. — Шестнадцать подтверждений. Река. Берег. Тёмное пятно в глубине. Вы — семнадцатая. И у всех — одно и то же.

Она смотрела на экран. Шестнадцать коротких сообщений, написанных разными людьми, разными словами, но об одном и том же. Геостратег из Красноярска: «Снилась река с эпохами, в глубине — неопознанное движение». Геостратег с Камчатки: «Когнитивное присутствие в толще времени, не атрибутируется». Геостратег с Валаама: «Они знают, что мы их видим».

— Значит, это не проекция, — медленно произнесла Корсакова. — Не страх. Не выго-
ра-ние.

— Похоже на то.

— Что говорят модели?

— Модели молчат. — Седьмой убрал планшет. — Мы прогнали данные через все доступные алгоритмы — ноль значимых корреляций. Это событие не предусмотрено ни одним сценарием.

Корсакова подошла к окну. Равнина за стеклом уже не казалась ей пустой — теперь она казалась выжидающей.

— Седьмой, — сказала она не оборачиваясь, — кто ещё знает?

— Только мы. Я не стал поднимать вверх.

— Почему?

— Потому что, Аглая Семёновна, я не уверен, что наверху — это наверху. — Он помолчал. — И я не уверен, что мы — это те, кто должен принимать решения.

Она обернулась. Седьмой смотрел на неё взглядом, который она видела только раз — много лет назад, когда один из её первых аналитиков принёс данные, противоречившие всем официальным доктринам, и спросил: «Что нам теперь делать?»

— А кто, по-вашему, должен?

— Тот, кто это начал. — Седьмой показал пальцем куда-то вниз, в пол, словно указывая на нечто, находившееся глубоко под землёй — или глубоко в Реке. — Тот, кого мы видели во сне. Потому что, если это не мы его нашли, а он нас — значит, правила игры изменились. И мы больше не геостратеги. Мы — цель.

Тишина.

А потом — звук, которого Корсакова не слышала никогда раньше: низкий, вибрирующий гул, идущий словно из-под земли, словно из-под фундамента резиденции, словно из глубины Реки, которая текла не по картам.

Планшет на столе мигнул и выдал сообщение — одно на всех, без подписи, без номера отправителя, без возможности отследить источник:

«Вы нас видите. Мы вас видим. Игра начинается».

Система климат-контроля выключилась снова. И холод — тот самый, из сна, с берега Реки, — теперь был не просто температурой. Теперь у него было имя.

Глава 2. Расшифровка переговоров

1. Расшифровка, фрагмент первый: голос

18 марта 2027 года, 02:14 по новосибирскому времени. Защищённый канал «Аргунь-4». Участники: Аналитический центр «Север» (Евразийский пан-регион), Институт долгосрочного прогнозирования (Китайский пан-регион). Статус: неофициальный обмен. Уровень: 5-й этаж. Запись получена из архива резиденции 6 сентября 2031 года.

— Вы понимаете, что предлагаете невозможное.

Голос Ляна был сухим, как пекинский март, — ветер с Гоби ещё не улёгся, и песок скрипел на зубах даже в подземных кабинетах Хайдяня. Корсакова — тогда ещё не глава Центра, а ведущий аналитик направления «Север-Евразия», сорок девять лет, двенадцать из которых

она провела на невидимой войне смыслов, — слушала его через тройное шифрование и думала о том, что невозможное — это единственное, чем вообще стоит заниматься.

Всё остальное было механикой. Механика — это когда известны переменные и уравнения, и остаётся только подставить числа и получить результат. Механика была работой второго и третьего этажей. Но когда переменные неизвестны, а уравнения не написаны, когда сама ткань реальности истончается в точке бифуркации и сквозь неё просвечивает то, чего ещё нет, — вот тогда начиналась работа Корсаковой. Работа, которую она называла про себя «картографией невозможного».

Лян это знал. Они никогда не встречались лично — пятый этаж не признавал личных встреч, только защищённые каналы и мёртвые почтовые ящики, — но за семь лет нерегулярной переписки и редких сеансов связи они изучили друг друга до тонкостей. Лян был старше на двенадцать лет, и его карьера началась ещё в те времена, когда Китай был nation-state, а не пан-регионом. Он застал эпоху, когда геостратегия была наукой о войне и мире, а не наукой о распаде и сборке. И он тяжелее других переживал переход: старые модели рушились, новые ещё не устоялись, и в промежутке между ними зияла пустота — та самая, в которую Корсакова сейчас пыталась бросить мост.

— Я предлагаю не альянс, — сказала она. — Альянс — это структура. Структура предполагает обязательства, обязательства предполагают контроль, контроль порождает недоверие. Я предлагаю синхронизацию циклов.

Пауза. Лян был слишком опытным геостратегом, чтобы удивляться вслух, и слишком честным перед собой, чтобы не признать, что удивлён. Корсакова представила его в этот момент: сухой человек с лицом учёного и руками крестьянина (она видела его фотографию однажды, двенадцать лет назад, на конференции в Женеве, ещё до всех межпан-региональных разрывов), как он сидит в своём кабинете — наверняка таком же стерильном и лишённом индивидуальности, как её собственный, — и пересчитывает.

Пересчёт — это профессиональный рефлекс пятого этажа. Когда поступает новая информация, противоречащая текущей картине мира, геостратег не отвергает её и не принимает — он пересчитывает все сценарии с учётом нового вводного. Это занимает от нескольких секунд до нескольких часов, в зависимости от сложности. Корсакова знала, что Лян пересчитывает быстро — может быть, быстрее всех, кого она знала. И она ждала.

— Поясните, — сказал он наконец.

И она пояснила.

2. Теория циклов (лекция, прочитанная в пустоту)

За четыре года до этого разговора, в марте 2023-го, Корсакова выступала с закрытой лекцией перед аналитиками Центра. Лекция не предназначалась для распространения — никаких записей, никаких конспектов, только живое слово. Тема звучала так: «Циклическая модель геостратегической динамики в пост-вестфальской системе».

Она говорила два часа. И начала с того, что все существующие модели не работают.

Линейные модели — «история как прогресс», «конец истории» по Фукуяме, «столкновение цивилизаций» по Хантингтону — все они предполагали, что история движется куда-то: к демократии, к рынку, к конфликту, к сингулярности. Но история никуда не движется. История вращается. Как циклы Кондратьева, но не в экономике — в цивилизации. Как пассионарные толчки Гумилёва, но не в этногенезе — в пан-региональной динамике. Как маятник, но маятник не возвращается в ту же точку — он описывает спираль, и каждый виток происходит на новом уровне сложности.

Корсакова выделяла четыре фазы пан-регионального цикла: акматическую, инерционную, обскурационную и мемориальную.

Акматическая фаза — фаза подъёма. Пассионарность на пике. Элиты открыты, социальные лифты работают, сакральность власти высока. Пан-регион расширяется — территориально, экономически, культурно. Это фаза, в которой принимаются великие решения и совершаются великие ошибки. Китайский пан-регион в 2027 году был именно здесь — на излёте акматической фазы, когда энергия ещё бьёт через край, но первые трещины уже намечаются.

Инерционная фаза — фаза плато. Пассионарность снижается, но накопленной энергии хватает для поддержания структуры. Элиты начинают замыкаться, сакральность власти держится на инерции. Пан-регион уже не расширяется, но ещё и не сжимается. Он воспроизводит себя — и в этом воспроизводстве незаметно теряет способность к изменениям. Евразийский пан-регион прошёл инерционную фазу в начале двадцатых и даже не заметил этого.

Обскурационная фаза — фаза надлома. Пассионарность падает ниже критического уровня. Элиты окончательно замыкаются в касту, социальные лифты останавливаются, сакральность власти истончается. Пан-регион начинает сжиматься: территории отпадают, экономика стагнирует, демография валится. Это фаза, в которую Евразийский пан-регион входил прямо сейчас, в 2027 году, — и Корсакова видела это яснее, чем кто-либо. Потому что её работа и состояла в том, чтобы видеть то, чего не хотят видеть другие.

Мемориальная фаза — фаза конца. Пан-регион перестаёт существовать как субъект истории и превращается в объект памяти. Его территория делится между соседями, его культура становится музейным экспонатом, его элиты либо ассимилируются в чужие структуры, либо исчезают. Это фаза, которую Корсакова не хотела видеть для своего пан-региона — но которую модели предсказывали с вероятностью шестьдесят семь процентов.

И вот теперь, в разговоре с Ляном, она предлагала то, чего не было ни в одной модели и ни в одном учебнике: синхронизацию циклов.

3. Расшифровка, фрагмент второй: предложение

— Ваш пан-регион, — продолжила Корсакова, — входит в акматическую фазу. Подъём, энергия, экспансия. Ваши элиты открыты, ваша пассионарность на пике, ваша сакральность власти высока. Но это не навсегда. Через десять-пятнадцать лет вы упрётесь в потолок — демографический, ресурсный, технологический. И тогда начнётся инерция. А за ней — надлом.

— Вы говорите о нашем надломе так, будто он уже наступил.

— Я говорю о нём так, будто он неизбежен. Потому что он неизбежен. Вопрос не в том, наступит ли надлом, а в том, как вы его пройдёте. Мой пан-регион сейчас находится именно там, где вы окажетесь через пятнадцать лет. Мы — ваше будущее. И мы можем стать либо вашим предупреждением, либо вашей моделью.

Лян молчал. Корсакова знала: он пересчитывает.

— Если мы синхронизируем циклы, — сказала она, — ваш подъём даст нам энергию для перестройки. Не ресурсы — ресурсы у нас есть. Не технологии — технологии можно купить или украсть. А энергию. Пассионарность заразна. Когда два пан-региона синхронизируют циклы, их пассионарные поля начинают резонировать. Это не мистика — это математика. Уравнения Гумилёва, адаптированные для макросоциальных систем. Я могу прислать вам расчёты.

— А что получим мы?

— Наш опыт прохождения надлома. Модель того, как не разбиться о собственный потолок. Мы уже набили себе шишки — все, какие только можно. Мы знаем, где тонко, где рвётся, где горит. Мы знаем, какие ошибки совершают элиты, когда сакральность власти истончается. Мы знаем, как демографическая яма пожирает экономику, как технологическое отставание становится необратимым, как информационная война превращается из инструмента в среду обитания. Вы можете пройти свой надлом вслепую — или можете пройти его с картой, которую нарисовали мы.

— Вы предлагаете нам учиться на ваших ошибках.

— Я предлагаю вам не совершать наших.

В тишине защищённого канала что-то сдвинулось. Корсакова физически ощутила это — как движение тектонической плиты, как смещение магнитного поля, как подземный толчок, ещё не зарегистрированный сейсмографами. Два геостратега, представляющих конкурирующие пан-регионы, только что нащупали контур возможного будущего, которого не было ни в одном сценарии.

4. Пан-регионы: краткий очерк (из личных заметок А. С. Корсаковой, 2027)

Примечание: этот документ был обнаружен в личном архиве Корсаковой при разборе резиденции после её исчезновения в 2031 году. Почерк — её собственный, хотя носитель электронный. Стиль — тезисный, явно для внутреннего пользования.

Мир после Вестфальского слома больше не состоит из наций. Нация — это конструкт индустриальной эпохи, скреплённый печатным станком, всеобщей воинской повинностью и национальным рынком. Всё это ушло. Печатный станок сменился нейросетью, всеобщая воинская повинность — дронами и наёмниками, национальный рынок — пан-региональными экономическими зонами.

Пан-регион — это не государство. Это цивилизационная платформа, объединённая не границами, а гравитацией. Гравитация бывает разная: культурная, языковая, религиозная, эко-

номическая, технологическая. Чем больше видов гравитации совпадают, тем прочнее пан-регион.

Шесть пан-регионов на карте мира (2031):

Китайский пан-регион. Ядро: бывший КНР. Периферия: Юго-Восточная Азия, Центральная Азия (частично), Восточная Африка (зона влияния), Тихоокеанские острова (зона контроля). Гравитация: экономическая и технологическая. Проект: «Великая гармония» — общество управляемой стабильности на основе квантовых вычислений и социального кредита. Сильные стороны: демография пока стабильна, технологии на подъёме, элиты относительно открыты. Слабые стороны: ресурсная зависимость от Евразийского пан-региона, старение населения через 15-20 лет, риск социального взрыва при замедлении роста.

Американский пан-регион. Ядро: бывшие США. Периферия: Канада (де-факто), Великобритания (ассоциированный член), Австралия, Япония (частично). Гравитация: технологическая и финансовая. Проект: «Прометей» — биокогнитивный апгрейд населения. Сильные стороны: лидерство в когнитивных технологиях, финансовая система, культурная экспансия. Слабые стороны: внутренний раскол между «апгрейднутыми» и «натуралами», потеря Европы, демографическая стагнация.

Исламский пан-регион. Ядро: несколько центров силы (Эр-Рияд, Тегеран, Анкара, Джакарта). Периферия: Северная Африка, Ближний Восток, Центральная Азия (частично), мусульманские анклав в Европе. Гравитация: религиозная и демографическая. Проект: «Умма 2.0» — теократическая модернизация. Сильные стороны: демографический взрыв, пассионарный толчок конца 2020-х, единство на основе веры. Слабые стороны: внутренние расколы (сунниты/шииты, традиционалисты/модернисты), технологическое отставание, ресурсная бедность части территорий.

Индийский пан-регион. Ядро: бывшая Индия (после гражданской войны). Периферия: неясно. Гравитация: демографическая и цивилизационная. Проект: неизвестен (информационная закрытость). Сильные стороны: огромное население, ядерный потенциал, древняя цивилизационная традиция. Слабые стороны: последствия гражданской войны 2028-2030, технологическое отставание, внутренние расколы.

Евразийский пан-регион. Ядро: бывшая РФ (территория сокращается). Периферия: Центральная Азия (частично), Кавказ (частично), Восточная Европа (зона влияния, сокращается). Гравитация: ресурсная и военно-политическая. Проект: «Хартленд» — контроль над ресурсной базой Евразии. Сильные стороны: ресурсы, ядерный потенциал, военный опыт. Слабые стороны: демографическая яма, технологическое отставание в когнитивном секторе, эрозия сакральности власти, зависимость от китайских технологий.

Европейский пан-регион. Ядро: бывший ЕС (после краха). Периферия: бывшие члены ЕС, рассеянные и дезориентированные. Гравитация: культурная и нормативная (ослабевающая). Проект: «Европа регионов» — децентрализация и уход из глобальной политики. Сильные стороны: культурный капитал, остатки технологической базы. Слабые стороны: демографический коллапс, потеря политической субъектности, зависимость от американской технологической платформы.

Мир пан-регионов — это мир без гегемона. Никто не может навязать правила игры всем остальным. Но это и мир без правил. Пан-регионы взаимодействуют не через дипломатию (дипломатия — инструмент наций), а через гравитационные поля. Там, где поля пересекаются, возникают зоны напряжения. Там, где поля совпадают, — зоны возможного сотрудничества.

Синхронизация циклов — это попытка управлять гравитацией.

5. Расшифровка, фрагмент третий: Америка

— Вы говорите о Евразийско-Китайской стратегической связке, — медленно произнёс Лян. — Но американцы никогда этого не допустят. Их морская империя построена на разделении Хартленда. Это аксиома. Сто лет — от Маккиндера до Спайкмена — они удерживают контроль над Римлендом, не давая Хартленду объединиться. Если мы синхронизируем циклы, они воспримут это как объявление войны.

— Американский пан-регион теряет Европу.

Корсакова произнесла это ровным голосом, но внутри у неё всё сжалось. Она ссылалась на данные, которые не должна была иметь. Три месяца назад один из её источников в Европейском аналитическом центре — пожилой немец, бывший дипломат, работавший на четвёртый этаж, — передал ей пакет документов, из которого следовало: европейские элиты больше не верят в трансатлантический проект. Не верят настолько, что готовы к стратегическому развороту — медленному, осторожному, замаскированному под «углубление европейской автономии», но от этого не менее реальному.

— Их пятый этаж это знает, — продолжила она. — Их четвёртый этаж готовится к силовому сценарию — план «Морской дракон», развёртывание флота в Северной Атлантике, блокирование балтийских и черноморских проливов. Их третий этаж уже пересчитывает финансовые потоки: потеря европейского рынка обойдётся американскому пан-региону в двенадцать-восемнадцать процентов ВВП. Их второй этаж — аппарат — лихорадочно перестраивает административные механизмы под новую реальность. А их первый этаж ещё верит в глобализацию.

— А мы?

— А мы, — сказала Корсакова, — должны перестать верить. В глобализацию. В особый путь. В чудесные сценарии. В то, что враг слаб, а друзья верны. Мы должны начать работать с реальностью, а не с её отражениями в кривых зеркалах пропаганды.

Лян издал звук — что-то среднее между смешком и вздохом.

— Вы говорите как человек, которому нечего терять.

— Мне есть что терять. — Корсакова помолчала. — Мой пан-регион. Моих коллег. Моих детей — у меня нет своих, но есть племянники, и я хочу, чтобы они жили в мире, где Евразийский пан-регион существует не как музейный экспонат. Но я не могу спасти его одна. И вы не можете спасти свой в одиночку. Никто не может. Эпоха одиночных игроков кончилась. Наступает эпоха синхронизаций.

— И вы верите, что синхронизация с нами — это спасение?

— Я верю, что это шанс. — Она выдержала паузу. — Единственный, который у нас есть.

6. Точка невозврата (воспоминание)

Корсакова помнила день, когда впервые подумала о синхронизации циклов. Это было в двадцать пятом, вскоре после краха Европейского союза — события, которое аналитики пятого этажа предсказывали за семь лет, но которое всё равно застало врасплох тех, кто принимал решения на втором и третьем. Она сидела в своём кабинете и смотрела на карту мира, где только что стёрли несколько цветных пятен. Европа, бывшая центром мира на протяжении пятисот лет, превратилась в лоскутное одеяло — набор национальных государств, каждое из которых было слишком мало, чтобы выжить в одиночку, и слишком гордо, чтобы объединиться в нечто новое.

И тогда она подумала: а что, если конец — это не конец? Что, если распад — это не финальная точка, а промежуточная стадия? Что, если история знает не только смерть цивилизаций, но и их перерождение?

Она взяла Гумилёва, перечитала его заново — не как исторический курьёз, а как операционную модель. Потом взяла Шпенглера, потом Тойнби, потом — из совсем уж еретического — советских космистов: Фёдорова, Циолковского, Вернадского. Она искала не истину — истина в геостратегии недостижима, — а работающую метафору. Образ, который позволил бы увидеть реальность под новым углом.

И нашла его в гидрологии. Не в истории, не в экономике, не в социологии — в науке о течении вод.

Реки не текут по прямой. Они меандрируют — петляют, огибая препятствия, размывая берега, меняя русло. Две реки могут течь параллельно, не смешиваясь; могут сливаться, образуя поток вдвое мощнее; могут разделяться на рукава, и каждый рукав уходит в своё море. Пан-регионы — это реки, текущие сквозь время. Их циклы — это изгибы русел. Их синхронизация — это слияние потоков. Не простое, не гарантированное, не лишённое риска затопления. Но возможное.

Она назвала эту модель «гидрологией истории» и никому о ней не рассказывала. Слишком поэтично для аналитической записки, слишком туманно для пятого этажа. Но когда она смотрела на карту пан-регионов, она видела не цветные пятна и статистические выкладки — она видела реки. И во сне — том самом, который через шесть лет приснится всем семнадцати геостратегам, — она стояла на берегу Реки и видела их все.

7. Расшифровка, фрагмент четвёртый: условия

— Пришлите мне ваши расчёты, — сказал Лян. — По демографической яме. И по когнитивному отставанию. Без прикрас. Без «чудесного сценария». Я хочу видеть реальную картину.

Корсакова позволила себе улыбнуться — беззвучно, одними уголками губ. «Чудесный сценарий» был профессиональным жаргоном пятого этажа: иллюзия, лежащая в основе большинства провальных стратегий. Враг слаб и глуп. Союзники верны и бескорыстны. Ресурсы

бесконечны. Время терпит. Чудесный сценарий был наркотиком, на который подсаживались элиты первого и второго этажей, чтобы не видеть реальности. Геостратеги пятого этажа не имели права на чудесные сценарии — их работа состояла в том, чтобы смотреть в бездну и называть вещи своими именами.

— Вы получите реальную картину, — сказала Корсакова. — И она вам не понравится.

— Этого я и боюсь.

Она переслала файлы. Три гигабайта данных: демографические прогнозы до 2070 года, модели технологического отставания, карты миграционных потоков, расчёты эрозии сакральности власти, сценарии распада. Она составляла эти документы последние полгода, зная, что рано или поздно они понадобятся, но не зная, кому именно. Теперь получатель был найден — и его имя было Лян.

— Я изучу это, — сказал он. — Мне потребуется время.

— У нас его мало.

— У нас всегда его мало. — Лян помолчал. — Но прежние правила ещё действуют, Аглая. А прежние правила говорят: геостратеги не синхронизируют циклы. Геостратеги конструируют. Геостратеги просчитывают сценарии войны, а не сценарии мира. Если я передам ваше предложение своему руководству — даже на пятом этаже, — меня могут не понять.

— А если не передадите?

— Тогда я перестану быть геостратегом. Потому что геостратег, утаивающий от своего пан-региона возможную ветвь будущего, — это не геостратег. Это предатель.

Корсакова знала, что он прав. Этика пятого этажа была простой и безжалостной: ты видишь всё, ты докладываешь всё, ты ничего не утаиваешь. Если твой анализ кому-то не нравится — это не твоя проблема. Если твой анализ ведёт к решениям, которые тебе не нравятся, — это тоже не твоя проблема. Ты — картограф, а не капитан. Ты рисуешь карту, а курс прокладывают другие.

Но она также знала, что карта, которую она сейчас рисовала, могла изменить не только курс её пан-региона, но и всю геометрию мировой политики. И это знание было тяжелее любого груза, который ей приходилось нести.

— Тогда передайте, — сказала она. — И будьте готовы к тому, что ответ будет «нет».

— Я всегда готов к «нет». — Лян снова издал тот же звук — не то смешок, не то вздох. — «Нет» — это стандартный ответ пятого этажа на всё, что выходит за пределы освоенной реальности. Но иногда — очень редко — «нет» превращается в «да». И тогда начинается то, ради чего мы здесь.

Канал закрылся. Защищённый протокол «Аргунь-4» разорвал соединение, уничтожив все следы — во всяком случае, так гласила спецификация. На самом деле Корсакова знала, что полное уничтожение следов невозможно: любая передача оставляет отпечаток в квантовой

пене, которую рано или поздно научатся читать. Но пока — пока — их разговор существовал только в памяти двух человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.